

СОДЕРЖАНИЕ

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

Один	5
Два	22
Три	31
Четыре	41
Пять	52
Шесть	59
Семь	72
Восемь	87
Девять	97
Десять	110
Одиннадцать	120

НОЧНОЙ НАРОД

Часть первая. Лосо

I. Истина	145
II. Академия	156
III. Рапсод	164
IV. Некрополь	175
V. Другая обезьяна	183
VI. Глиняные ноги	190

Часть вторая. Сука смерть

VII. Нехоженые дороги	196
VIII. Где он пал	207
IX. Прикосновение	214
X. Солнце и тень	222

Часть третья. Темные века

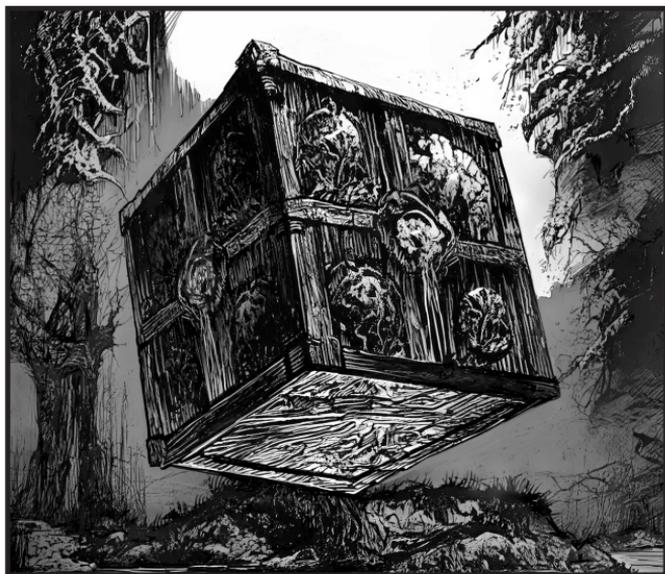
XI. Охотничьи уголья	239
XII. Наверху и внизу	253
XIII. Вещее дитя	269
XIV. Табернакль	278

Часть четвертая. Святые и грешники

XV. Бремя	289
XVI. Сейчас или никогда	303
XVII. Делирий	311
XVIII. Гнев праведных	325

Часть пятая. Хорошая ночь

XIX. Лицо без друзей	333
XX. Одержимые	342
XXI. Эта жажда	350
XXII. Триумф Маски	370
XXII. Терзания	382
XXIV. Кабал	396
XXV. Препудь со мной	408

*Хотел бы дух любовника призвать я,
Что до рожденья Купидона жил.*

Джон Донн «Божество любви»¹

ОДИН

РЭНКУ ТАК не терпелось открыть шкатулку Лемаршана, что он даже не заметил, когда начал звонить большой колокол. Игрушку создал настоящий мастер, и Фрэнку говорили, что в ней таятся настоящие чудеса, но, похоже, способа добраться до них просто не существовало: на шести черных лакированных гранях не нашлось ни одной подсказки, куда следует нажать, чтобы хоть

---

¹ Перевод М. Боролицкой.

одна деталь этой трехмерной головоломки отделилась от другой.

Фрэнк уже видел такие — например, в Гонконге, плод китайской склонности к метафизике, воплощенный в твердой древесине, — но к изящности и техническому гению китайцев француз привнес свою собственную извращенную логику. Если в ребусе и существовала система, Фрэнк не мог ее найти. Лишь после нескольких часов проб и ошибок случайное положение большого пальца, среднего и мизинца дало результат: раздался едва слышный щелчок, а потом — победа! — целый сегмент скользнул в сторону.

Оказалось, что, во-первых, изнутри шкатулка была отшлифована до блеска. Отражение Фрэнка — искаженное, раздробленное — металось по лакированной поверхности. Во-вторых, этот самый Лемаршан, в свое время прославленный конструктор механических певчих птиц, сконструировал устройство так, что, стоило его открыть, запускался музыкальный механизм, и теперь изнутри послышалось звенящее короткое рондо восхитительной банальности.

Вдохновленный успехом, Фрэнк лихорадочно взялся за работу, быстро находя все новые сочетания бороздок, пазов и хорошо смазанных шестеренок, которые, в свою очередь, вели к дальнейшим хитросплетениям. И с каждым решением — с каждым новым поворотом или рывком — в дело вступал новый музыкальный элемент, в мелодии появлялись контрапункты, она

развивалась, и вскоре изначальное каприччио почти растворилось в аранжировке.

Пока Фрэнк трудился, зазвонил колокол — равномерно и торжественно. Фрэнк его не услышал, по крайней мере не заметил. Но когда головомка почти решилась — когда развязался узел зеркальных внутренностей, — он вдруг понял, что в животе мутит от звона, словно тот не унимался уже лет сто.

Фрэнк оторвался от работы. Поначалу решил, что шум идет откуда-то с улицы, — но быстро отменил этот вариант. Фрэнк начал раскрывать творение Лемаршана около полуночи; с тех пор прошло несколько часов — чего он бы и не заметил, если бы не носил часы сам. В этом городе не было церкви — как бы отчаянно та ни хотела привлечь новых прихожан в свое лоно, — которая в такое время решилась бы звонить в колокол.

Нет. Звук шел откуда-то издалека, он доносился из двери (все еще невидимой), которую, по замыслу, и должна была открывать чудесная шкатулка. Все, что обещал Кирхер — человек, продавший ее, — оказалось правдой! Фрэнк стоял на пороге нового мира, бесконечно далекого от комнаты, где он сейчас сидел.

Бесконечно далекого; но неожиданно столь близкого.

От этой мысли его дыхание участилось. Фрэнк так сильно ждал этого момента, так тщательно планировал разрыв завесы, приложив к этому все силы своего разума. Мгновение — и они будут

здесь, те, кого Кирхер называл сенобитами, теологами Ордена Разреза. Призванные, оторванные от экспериментов в высших измерениях удовольствия, они принесут свой неподвластный времени разум в мир дождя и неудач.

Всю прошлую неделю Фрэнк неустанно работал, готовя комнату для визита. Тщательно отскоблил голые доски и усыпал их лепестками. Около западной стены воздвиг нечто вроде алтаря, украшенного умиротворяющими дарами, которые, как заверял Кирхер, поспособствуют любезности гостей: костями, иглами и конфетами. Кувшин с мочой Фрэнка — он собирал ее целых семь дней — стоял на алтаре с левой стороны на случай, если им вдруг понадобится совершить акт самоосквернения. Справа находилось блюдо с голубиными головами, их также посоветовал припасти Кирхер.

Фрэнк не упустил из виду ни малейшей детали. Ни один кардинал, жаждущий влезть в башмаки рыбака, не мог бы выказать большего усердия.

Но теперь, когда колокольный звон стал громче, заглушив мелодию музыкальной шкатулки, Фрэнк испугался.

Слишком поздно, пробормотал он про себя, надеясь унять растущий страх. Устройство Лемаршана раскрылось: последнее сочленение повернулось. Уже не осталось времени для уловок или сожалений. К тому же разве не рискнул он жизнью и рассудком, лишь бы приоткрыть завесу реальности? Прямо сейчас перед ним распаивалась

дверь, ведущая к наслаждению, о существовании которого знала лишь горстка людей, но вкуса его не ведала — и это наслаждение заново определит даже свойства восприятия и вырвет Фрэнка из постылого круга желаний, соблазнений и разочарований, что преследовал его с самого отрочества. Новое знание изменит все, разве не так? Ни один человек не смог бы испытать такую глубину чувств и остаться прежним.

Голая лампочка посередине комнаты потускнела и засияла вновь, засияла и опять потускнела. Она подчинялась ритму колокола, с каждым новым ударом вспыхивая как никогда прежде. В перерывах между звоном в комнате воцарялась абсолютная тьма; словно мир, в котором Фрэнк жил вот уже двадцать девять лет, исчезал. Потом снова гремел колокол, и лампочка вновь загоралась так ярко, будто и не гасла, а Фрэнк на несколько драгоценных минут снова оказывался в знакомом месте, где дверь вела на лестницу и оттуда на улицу, а из окна — будь у Фрэнка воля (или силы) поднять жалюзи — он мог бы увидеть призрак утра.

С каждым ударом свет от лампочки озарял все больше. Восточную стену словно кто-то свежевал; кирпичи теряли плотность, а потом и вовсе исчезли; в это самое мгновение Фрэнк увидел пространство, откуда доносился звон. Это был мир птиц? Огромных черных птиц, застигнутых врасплох нескончаемой бурей? Вот и все, что он смог разобрать в измерении, откуда — прямо сейчас — шли иерофанты: в нем царило смятение,

хаос, в нем было множество хрупких, изломанных существ, которые поднимались и падали, питая черный воздух собственным страхом.

А потом стена вновь обрела материальность, колокол замолк. Лампочка потухла. На этот раз без всякой надежды на воскресение.

Фрэнк стоял во тьме, как будто онемев. Даже если бы сейчас он вспомнил заготовленную речь, то не смог бы сформулировать ни слова. Язык словно притворился мертвым у него во рту.

А потом вспыхнул свет.

Шел он от *них*: четырех сенобитов, которые теперь, когда стена затвердела, стояли в комнате. Прерывистое свечение, как сияние глубоководных рыб: голубое, холодное, неприятное. Фрэнка вдруг поразило то, что он ни разу не поинтересовался тем, как они могут выглядеть. Его воображение, всегда такое изобретательное, когда дело касалось обмана и воровства, во всех других отношениях было крайне скудным. Он не мог представить себе превосходство, а потому даже не пытался.

Вот только почему он так встревожился, стоило ему увидеть гостей? Может, из-за шрамов, покрывающих каждый сантиметр их тел, из-за плоти, косметически проткнутой, разрезанной, скрепленной какими-то пряжками, а потом присыпанной золой? Или из-за запаха ванили, который от них шел, чья сладость мало скрывала настоящий смрад? Или же дело заключалось в том, что свет становился все ярче, а Фрэнк вглядывался в иерофантов все пристальнее, и в этих изуро-

дованных лицах не увидел ни намека на радость, даже на элементарную человечность: лишь безумие, отчаяние и страсть, от которых его кишки заняли, вознамерившись тут же опорожниться.

— Что это за город? — поинтересовался один из четырех; Фрэнк с большим трудом мог предположить, какого тот пола.

Одежда пришельцев, ткань которой иногда была вшита в кожу, а иногда проходила сквозь нее, скрывала все половые признаки, а в остатках голоса или в намеренно изувеченных чертах лица ничто не давало и намека на отгадку. Крючки, которые пронзали веки существа, с помощью сложной системы цепочек, проходящих сквозь плоть и кости, были связаны с такими же крючками в нижней губе, и когда оно заговорило, первые задержались от движения, обнажая поблескивающее от крови мясо.

— Вам был задан вопрос, — сказала оно.

Фрэнк не ответил. Название города — это последнее, что сейчас приходило ему в голову.

— Вы нас понимаете? — потребовала ответа фигура, стоящая рядом с первым гостем.

Ее голос, в отличие от спутника, был слабым, с придыханием — голосом возбужденной девочки. Каждый сантиметр головы этого сенобита покрывала затейливая татуировка в виде сетки, а на пересечениях горизонтальных и вертикальных осей в кость была вбита украшенная драгоценным камнем булавка. Множество их поблескивало даже у него в языке.

— Вы вообще знаете, кто мы? — спросило оно.

— Да, — наконец выдал из себя Фрэнк. — Знаю.

Как иначе? Он и Кирхер долгими ночами обсуждали намеки, подсмотренные в дневниках Болингброка и Жилия де Ре. Он изучил все, что человечество знало об Ордене Разреза.

И все же... ожидал чего-то иного. Ожидал хотя бы знака, говорящего о невероятном величии, которое было им ведомо. Он думал, что они хотя бы придут с женщинами: намасленными женщинами, женщинами с грудями, полными молока; выбритыми и мускулистыми для актов любви; с надушенными губами, с дрожащими от предвкушения бедрами, с увесистыми ягодицами, как любил Фрэнк. Он ожидал вздохов, томных тел, распростертых на полу, подобно живому ковру; он ожидал девственных шлюх, каждое отверстие которых было бы открыто его желаниям, чьи умения вознесли бы его — вверх, вверх — к невысказанным вершинам экстаза. Весь мир исчез бы в их объятиях. Фрэнка превознесли бы за его похоть, а не презирали.

Но нет. Ни женщин, ни вздохов. Только эти бесполое существа с морщинистой кожей.

Теперь заговорило третье. Оно было чудовищно шрамировано — с ранами обошлись так, что те вздулись волдырями, — его глаза практически исчезли, а слова искажал обезображенный рот.

— Чего вы хотите? — спросило оно.